

§7 ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Попов Е. А.

КУЛЬТУРОЦЕНТРИЧНОСТЬ КАК НАПРАВЛЕНИЕ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Предметом исследования является социальная безопасность. Трактовки данного феномена в основном затрагивают механизмы обеспечения данного вида безопасности со стороны государства. Нередко под социальной безопасностью в современной социогуманитарной науке понимается такое состояние общества, при котором преодолены различные социальные, политические и экономические угрозы и, таким образом, достигнуто гармоничное взаимодействие общества, человека и государства. Между тем социальную безопасность необходимо рассматривать и в социокультурном аспекте. Именно на этом делается акцент в настоящей статье. Основным методологическим ракурсом рассматриваемой проблемы является социокультурный подход, позволивший обратиться к изучению социальной безопасности в системе ценностей и норм. Основными выводами проведенного исследования являются следующие положения: 1) социальная безопасность должна рассматриваться не только в социоцентричном плане (как явление, обеспечивающее стабильность в обществе), но и в социокультурном (как явление, способствующее полноценному взаимодействию общества, человека, государства и культуры); 2) культуроцентричный вектор изучения социальной безопасности в современной науке позволяет выявить ценностно-нормативный «потенциал» данного объекта исследования.

Ключевые слова: Культура, Общество, социология, Ценности, нормы, познание, социальная безопасность, безопасность, наука, социокультурный аспект.

Review. The subject of the research is social security. The handlings of this phenomenon mainly concern the mechanisms of provision of this sort of security by the state. Modern social and humanitarian science often understands social security as a condition of the society when various social, political and economic threats are overcome, and thus, society, individuals and state cooperate harmoniously. In the meantime, social security should also be considered in its sociocultural aspect. This is what the present article focuses on. The main methodological point of view of the considered topic is sociocultural approach which allows to study social security as a part of a system of values and norms. The main conclusions of the conducted research are as follows: 1) social security should be considered not only from the point of view of sociocentrism (as a phenomenon that provides social stability), but also from the point of view of sociocultural approach (as a phenomenon

that contributes to the full-fledged interaction of society, individuals, state and culture); 2) culture-centric vector of study of social security in modern science allows to disclose value and norm «potential» of the present subject of study.

Keywords: security, social security, cognition, norms, values, sociology, society, culture, science, sociocultural aspect.

ВВЕДЕНИЕ

Современный научный дискурс в сфере социогуманитарного знания все чаще обращает внимание на процессы и явления безопасности государства, общества, человека. Особое значение приобретает социальная безопасность, рассматриваемая в культуроцентричном аспекте как ценностно-смысловая система. Статья выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», код проекта 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В НАУЧНОМ ОБОРОТЕ

Вопрос о социальной безопасности как явлении многоаспектном и в то же время противоречивом сегодня поднимается в различных отраслях социогуманитарного знания. Такое внимание к социальной безопасности следует признать вполне обоснованным, поскольку речь в данном случае идет о таком механизме, который обеспечивает сохранность сразу нескольких важнейших для общества, государства, культуры и человека систем: 1) канала передачи культурных универсалий и самобытных черт социокультурного развития от одного поколения к другому; 2) обмена социальной информацией между обществами и носителями культуры; 3) обеспечения суверенности государства и защиты авторитета страны в межгосударственных отношениях; 4) противодействия проявлениям коррупционности и бюрократизма во всех структурах государственного управления и в целом в обществе; 5) интеграции народных сил для сопротивления различным угрозам социально-экономического и социально-политического характера; 6) непрерывности исторической памяти и трансляции базовых традиционных ценностей и норм; 7) стабильности развития институтов гражданского общества, гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина и т.д. Как видим из представленного здесь неполного списка важнейших инструментов развития общества, социальная безопасность может рассматриваться как явление практически планетарного масштаба. Разумеется, можно сместить акценты в сторону конкретиза-

ции форм и содержания социальной безопасности, например, до создания программ государственной поддержки тех или иных сторон коллективной и индивидуальной жизнедеятельности человека, однако, представляется, что более актуальным становится иной ракурс оценки социальной безопасности в современных условиях.

В понимании социальной безопасности довольно сложно уйти от ставших уже очевидными признаков или особенностей данного явления. Прежде всего, имеются в виду следующие критерии: угроза обществу, государству, человеку — ответы на вызовы, возникающие в результате таких угроз. «Вызовы» — «ответы» — это, по сути, ключевой признак любой системы обеспечения безопасности. В основном любой из типов безопасности — национальной, политической, потребительской и т.д. — исследуется именно в таком направлении. Институциональный способ оценки социальной безопасности признается преобладающим хотя бы на том основании, что в обеспечении любого типа безопасности оказываются задействованными различные социальные и правовые институты. Конечно, трудно не согласиться с такой позицией исследователей, так как социальная безопасность — это не отвлеченное или абстрактное явление, а вполне конкретный и фундаментальный уровень государственности. Очевидно, что от эффективности способов и мер, направленных на обеспечение социальной безопасности, зависит жизнь каждого человека и состоятельность любого независимого государства.

Тем не менее, не следует забывать, что социальная безопасность — это не просто набор технологий и инструментов сопротивления разнообразным угрозам как внутреннего, так и внешнего характера. Важную роль в достижении состояния социальной безопасности играет *социокультурный фактор*. Строго говоря, любое явление или любой процесс социокультурного свойства простираются довольно далеко и характеризуются значительным набором черт. Так, например, социальное благополучие зависит не только от сугубо экономических обстоятельств, но и от концепции личности, от состояния развития социальных институтов, от специфики региона и т.д. Вместе с тем сам термин «социальный», употребляемый в широком контексте, предполагает детерминированность различных явлений изменениями, прежде всего, экономического, демографического, политического порядка. Именно потому,

когда исследователи обращаются к явлениям социального порядка, они, конечно же, обращают внимание на эти стороны социальных феноменов. В этом смысле социальная безопасность также не может рассматриваться без связи с экономическими проблемами. Между тем именно социокультурные характеристики социальной безопасности охватывают весь спектр актуальных вопросов, которые стоят перед обществом, государством и человеком. Социальная безопасность как таковая не может быть формальным способом защиты государства и общества. Если говорить об этом явлении как о собирательном названии стратегий ухода от вызовов и угроз, тогда, конечно, социальная безопасность предстает как результат преодоления этих пороговых состояний и испытаний. В этом случае будут предлагаться различные действенные и эффективные меры по удержанию стабильности в стране. С другой стороны, если иметь в виду, что сплоченность общества, поддержка гражданских инициатив, патриотизм и гражданственность, память о предках, межпоколенческий опыт общественного развития и другие характеристики являются неотъемлемыми для укрепления государства и государственности, то вероятнее всего социальная безопасность предстанет именно социокультурной стратегией, обеспечивающей сохранность этих составляющих.

Если понимать под социальной безопасностью такое состояние общества, при котором имеются все основания для развития и укрепления социокультурных универсалий, обеспечивающих преемственность поколений, прежде всего, в ценностно-нормативном отношении, то становится очевидной необходимость более глубинного — *онтологического* — взгляда на данное явление. Следовательно, социальную безопасность возможно рассматривать с этой позиции, социокультурной, в двух направлениях: во-первых, социоцентричном аспекте, во-вторых, культуроцентричном. И то, и другое направления имеют свою непреложную ценность, опираются на сущностные, соответственно общественные и культурные механизмы устройства и понимания реальности. И в первом, и во втором направлении отчетливо выделяются позиции государства (например, признание человека высшей ценностью в стране, как зафиксировано в статье второй действующей Конституции России), общества (объединение интересов и отстаивание принципов национальной идеологии, например, в рамках деятельности Общероссийского народного фронта) и т.д. В то же время имеются и заметные расхождения при социоцентричном и культуроцентричном понимании социальной безопасности. Главное

из них — это определение механизма обеспечения социальной безопасности: в первом случае он будет институциональным, связанным с действенностью и эффективностью предпринимаемых государством мер и программ, во втором — культуросодержательным, т.е. апеллирующим к традиционным ценностям и нормам общества.

КУЛЬТУРОЦЕНТРИЧНОСТЬ В ПОНИМАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

По мнению некоторых исследователей, «фундаментальной особенностью России практически на протяжении всей ее истории выступает *социоцентризм* (курсив наш. — Е.П.), т.е. добровольная ориентированность индивидов и их групп на единение с какой-то большей общностью, которая выступает по отношению к ним как высшая ценность» [1, с.10]. Разумеется, такой стиль коллективного бытия вполне оправдан и прогнозируем, прежде всего, из соображений безопасности; если во главу угла развития любой государственности ставить обеспечение собственного безопасного существования, то становится понятным социоцентризм. Природа ценностей в условиях социоцентризма, однако, выглядит довольно неопределенно: коллективизм как высшая ценность все же не может в полной мере заменить систему общечеловеческих ценностей, которые открыты именно человеку, а следовательно, обладают выраженными индивидуализированными особенностями. Очевидно одно: если речь идет о любой форме безопасности, в ее основе лежит не только механизм так сказать социального реагирования, но и ценностно-нормативное основание, регулирующее коллективную и индивидуальную жизнедеятельность человека. Этот тезис подтверждает и рассуждение А. А. Панищева, полагавшего, что «государство, безотносительно культурной традиции, само по себе не обладает способностью к долгому по времени функционированию — чаще всего одно или два поколения» [2, с.51–52]. Действительно, ни один институциональный способ воздействия на мир и человека в мире не будет считаться эффективным, если он не будет опираться на культуру и подпитываемую культурой систему ценностей и норм. С этой точки зрения не вызывает сомнений необходимость рассмотрения социальной безопасности в аспекте развития культуры — в т.н. культуроцентричном ракурсе.

Для государства фундаментальными основаниями его развития являются процессы модернизации, выработки национальной идеологии, поддержания своего авторитета на международной арене и др.;

все эти основания так или иначе согласуются с мерами, направленными на обеспечение социальной безопасности. Сегодня, когда западный мир выставляет России свои условия и поддерживает их предъявляемыми социально-политическими и экономическими санкциями, многократно возрастает необходимость продуктивных действий со стороны государства, направленных на обеспечение безопасности не только внутри страны, но и за ее пределами. Здесь на первое место, конечно, выходят механизмы как раз институционального порядка, но вместе с тем, особую важность приобретают и культуросодержательные стратегии. Термин «стратегии», возможно, не совсем уместен в данном контексте, поскольку все, что касается культуры и факторов культурного воздействия на человека и общество, так или иначе относится к онтологическим характеристикам, а значит, не может быть запрограммировано или поддаваться заметному манипулированию. Культурные универсалии, к слову сказать, как раз принадлежат к числу таких явлений, которые не имеют выраженной зависимости от времен, стилей эпохи, обществ и государств. Вообще, вопрос о социокультурной динамике — это предмет для отдельной дискуссии в рамках различных наук и знаний, относительно же социальной безопасности социокультурная динамика связана скорее не с закреплением в обществе каких-либо инновационных ценностей и традиций, а с процессами сохранения традиционных ценностно-смысловых систем. Именно поэтому можно утверждать: социальная безопасность есть такое состояние мира и общества, при котором устанавливается равновесное положение традиционных и новационных ценностей и норм. Следует отметить, что достичь такого гармоничного состояния многократно сложнее, чем предпринять определенные действия со стороны государства — принудительные, информационные, властные и т.д. Роль культуры как раз заключается в том, чтобы способствовать гармонизации отношений человека, общества и государства. В этом состоит символизация действительности: если невозможно достичь должного взаимодействия человека, общества и государства, то в основу всех действий кладутся символы — Добра, справедливости, дружбы, любви и др. Символы устанавливают социальные конвенции между людьми, между странами, а иногда и в преемственности эпох и времен. По мысли П. Бурдьё, «символическая борьба по поводу восприятия социального мира может принимать разные формы» [3, с.197].

Символическая борьба осуществляется и на уровне обеспечения социальной безопасности, особенно это распространяется на потребительское

поведение людей, на их информационные, экологические, образовательные и другие ценностно-нормативные установки. Почему в данном случае речь идет именно о символической борьбе? Дело в том, что люди в социальной реальности практически полностью оказываются зависимыми от различных символов. Эти символы так или иначе связаны с объектами реальной действительности, однако их ценность состоит прежде всего в том, что они способствуют установлению каналов коммуникации между носителями культуры. Люди живут в мире символов, но им приходится их дифференцировать, выделять актуальные, значимые, кратковременные или долговечные и т.д. Человек включается в символическую борьбу. Социальная безопасность должна обеспечить носителям культуры адекватное распознавание символов и их интерпретацию. Например, традиционные культурные ценности должны передаваться от поколения к поколению по таким каналам, которые защищены от воздействия тех или иных угроз или рисков, но, разумеется, такие ценностно-смысловые установки не в «чистом» виде, а именно посредством символов перенимаются в разные эпохи носителями культуры и сохраняются для потомков. В противном случае, если бы такой механизм не действовал или не имел адекватного способа передачи, то это создавало бы серьезную угрозу и требовало бы более жестких мер, направленных на обеспечение социальной безопасности. Таким образом, в символическую борьбу включаются носители культуры, традиционные и новые ценности и нормы, социальные институты, государство как таковое и т.д. Борьба предполагает наличие победителей и побежденных, но символическая борьба скорее направлена на достижение мира и согласия между ее объектами и субъектами, а не установление каких-либо приоритетов. Какие же символы востребованы у населения? «В ходе исследования респондентам было предложено вообразить, что они поймали золотую рыбку, и рассказать, что бы они у нее попросили. В отличие от главного персонажа из известной сказки А. С. Пушкина, респонденты оказались людьми сдержанными и скромными. Они не обременяли золотую рыбку чересчур амбициозными требованиями и ограничились лишь самым простым, чисто житейским набором: здоровье (43%), достаток (38%), счастье себе и близким (25%), счастье в личной жизни (18%)» [4, с.18]. Как видим, преобладают символы достатка и счастья. Может ли социальная безопасность в полной мере гарантировать достаток и счастье человеку? Вопрос, конечно, риторический. Между тем меры, направленные на обеспечение социальной безопасности,

в той или иной степени могут затронуть некоторые составляющие, например, счастья: здоровье, хорошая работа, профессиональный рост и др.

Для того, чтобы понять, насколько эффективными являются меры по обеспечению социальной безопасности, нужно как раз обратить внимание на символы, которые свидетельствуют о настроениях, чувствах, представлениях носителей культуры. Такие символы можно еще иначе назвать *социокодами*. «Функционирование социокодов обеспечивается, — как полагает С. С. Неретина, — такими видами общения, как *коммуникация*, под которой понимается «координация деятельности» живущего поколения людей, *трансляция* — общение, направленное на социализацию входящих в жизнь поколений и их уподобление предыдущему, и *трансмутация*, в которую входят все разновидности общения, вводящие в социокод новые элементы знания или изменяющие наличные» [5, с.92]. Как видим, социокоды связаны с обменом опытом, знаниями и информацией между поколениями. Социальная безопасность, таким образом, — это также явление межпоколенческого характера, она должна обеспечивать не только насущные потребности носителей культуры, но и связь поколений, которая не должна прерываться ни на одном из этапов социокультурного развития. Социокоды (или символы) затрагивают различные стороны общения носителей культуры, устанавливают длительные или краткосрочные связи между ними, но в любом случае отражают отношение людей к реальности, к общественным установкам, социальным нормам и ценностям. Если же речь заходит о безопасности, то, как правило, всегда имеются в виду стратегии противодействия антисоциальным явлениям и процессам. Так, например, когда рассматривается коррупция, всегда серьезно угрожающая безопасности государства, то предлагаются различные антикоррупционные стратегии [см.: 6, с.71–72]. Вместе с тем, социокультурный аспект антикоррупционных стратегий и тактик мог бы существенным образом увеличить эффективность проводимых мероприятий. Как отмечает О. Н. Ведерникова, рассуждая о началах антикоррупционной политики в России, «сохраняют свою актуальность общепрофилактические мероприятия, направленные на стабилизацию политической ситуации в стране, подъем экономики и жизненного уровня граждан, *изменение духовной атмосферы в обществе* (курсив наш. — Е.П.)» [7, с.126]. Именно на последнее обстоятельство необходимо обратить пристальное внимание государства и, конечно, изменение духовного состояния общества способно усилить действенность мер по обеспечению безопасности.

Духовные трансформации в любом обществе связываются с процессами, происходящими в системе ценностей и норм. Они становятся определяющими направлениями многих изменений и должны влиять в целом на характер предпринимаемых мер по обеспечению социальной безопасности. При этом нужно иметь в виду, что защиту не только социальных ценностей и норм устанавливают меры по обеспечению социальной безопасности, но и ряд других ценностно-смысловых комплексов, таких, например, как гражданственность, патриотичность, память предков, политический и культурный плюрализм, совесть и т.д. Конечно, напрямую эти ценности и нормы не находят своего отражения в программах социальной безопасности, однако любой из механизмов защиты так или иначе опосредованно будет апеллировать к ним. Между тем подвижность ценностей и норм, постоянные «скрепы» или, возможно, столкновения традиционных и инновационных ценностно-смысловых систем ведут к определенным подвижкам в развитии общественных отношений, нередко эти изменения создают угрозу обществу, засилие универсалий массовой культуры вполне способно затруднить, как говорилось выше, «изменение духовной атмосферы в обществе». Любой аспект безопасности должен связываться не просто с традиционными ценностно-нормативными устоями, но и с общечеловеческими ценностями. Именно они цементируют развитие общества, передаются из поколения в поколение и, таким образом, противостоят негативным воздействиям на человека, культуру, общество и государство. Что касается отечественной социокультурной традиции, то, по мысли М. Н. Громова, русский человек «более склонен задумываться над запредельными, нежели эмпирическими, вопросами своего бытия. Его душу, ум и сознание волнуют не проза жизни и частные проблемы, но великие, трансцендентные... Это придает всей культуре ... напряженный нравственный тонус» [8, с.57]. Напряжение возникает при наступлении любой угрозы, и иногда человек должен решиться на нравственный выбор, а вот осуществить таковой в условиях современности всё сложнее и сложнее. Социальная безопасность, увы, в полной мере не способна гарантировать правильность данного выбора, но, с другой стороны, может создать некоторые предпосылки, разрешающие пороговую ситуацию. Следовательно, в деле обеспечения социальной безопасности нравственный критерий не должен быть полностью отвергнут и, более того, должен стать одним из главных в оценке необходимости применения тех или иных защитных мер.

Значимость культуроцентричного направления в изучении, равно как и в формировании стратегий социальной безопасности, объясняется еще и таким важным обстоятельством, что культура является фундаментом развития общества и государственности, следовательно, любые меры, защищающие общество и государство от угроз и рисков, должны согласовываться с различными социокультурными процессами, а именно: 1) сохранение этнонациональной самобытности традиционной родной культуры — меры по поддержке культурно-национальных автономий, культур малочисленных народов и народностей, создание условий для адекватной инкультурации человека; 2) препятствование закреплению в системе ценностей и норм традиционной родной культуры ценностно-смысловых комплексов экстремизма, сепаратизма, национализма, коррупционных связей и т.д. — меры по совершенствованию системы государственного управления, не только усиление карательного преследования за пропагандирование и воплощение в жизнь указанных идей и действий, но и формирование общественного мнения с привлечением общественных организаций; 3) способствование укреплению международных культурных отношений для усиления авторитета страны и для противодействия глобализации ценностей и норм — меры, направленные на борьбу с фальсификациями мировой и отечественной истории,

эргац-ценностями западного толка, националистическими настроениями в обществе и т.д. Конечно, следует иметь в виду, что всякий раз, когда разговор заходит о безопасности вообще и о социальной безопасности в частности избежать акцента на механизмах государственного регулирования в сфере обеспечения безопасности вряд ли возможно, однако в числе данных способов регламентации должное место занимают и социокультурные факторы. В различных исследованиях, проводимых, например, под руководством профессора С. Г. Максимовой из Алтайского университета ^[см.: 9, с.200–204], особое значение приобретает связь факторов этнической и гражданской идентичности населения в России; в этом усматривается важность совмещения полюсов социокультурного (этничность) и социально-политического (гражданственность) анализа изучаемого объекта. Так или иначе, для исследований социальной безопасности, предпринимаемых учеными разных научных областей (социологии, культурологии, психологии, правоведения и др.), преимущественным вектором оценки данного явления должно стать именно культуроцентричное направление, позволяющее осуществить своего рода поворот в знании о безопасности от «социальности» к «культурности», а следовательно, обратить внимание на человека и культуру — высшую ценность общества и фундаментальные основания общественного развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Динес В., Федотов А. Российская государственность в контексте модернизации // Власть. 2010. № 1. С. 9–14.
2. Панищев А. А. Проблема деструкции государственности. Прайдовое право животного мира и закон человеческого общества // Вопросы культурологии. 2010. № 1. С. 50–55.
3. Бурдые П. Начала / пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1994.
4. Андреев А. Л. Русская мечта: взгляд социолога // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Альманах 2013 // ОАО «ВЦИОМ». М., 2013.
5. Неретина С. С. Социокод философии (о философских работах М. К. Петрова) // Вопросы философии. 2008. № 10.
6. Трунов И. Л. Антикоррупционная политика в России // Право и политика. 2006. № 11.
7. Ведерникова О. Н. Антикоррупционная политика в России: с чего начать? // Общественные науки и современность. 2005. № 3.
8. Громов М. Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 54–61.
9. Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Омельченко Д. А., Гончарова Н. П. Этническая и гражданская идентичность населения современного региона России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 6 (128).
10. И. В. Погодина, З. В. Мищенко, Д. Ю. Фраймович Многоуровневый подход к определению оптимальных индикаторов региональной безопасности на основе экономико-математического моделирования // Национальная безопасность / nota bene. — 2012. — 2. — С. 124–130.
11. И. В. Погодина, Д. Ю. Фраймович Экономическая безопасность регионов (динамический анализ ретроспективы показателей ВРП) // Национальная безопасность / nota bene. — 2012. — 1. — С. 60–63.

12. Камиллов М. А. Определение общественной безопасности в соответствии с новой Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации. // *Административное и муниципальное право.* — 2014. — 8. — С. 775–778. DOI: 10.7256/1999–2807.2014.8.12403.
13. Шульц В. Л., Кульба В. В., Шелков А. Б., Чернов И. В. Сценарный анализ эффективности управления региональной безопасностью // *Национальная безопасность / nota bene.* — 2014. — 2. — С. 188–206. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.2.11319.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Dines V., Fedotov A. Rossiiskaya gosudarstvennost' v kontekste modernizatsii // *Vlast'*. 2010. № 1. S. 9–14.
2. Panishchev A. A. Problema destruktivnoi gosudarstvennosti. Praidovoe pravo zhivotnogo mira i zakon chelovecheskogo obshchestva // *Voprosy kul'turologii*. 2010. № 1. S. 50–55.
3. Burd'e P. Nachala / per. s fr. M.: Socio-Logos, 1994.
4. Andreev A. L. Russkaya mechta: vzglyad sotsiologa // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. Al'manakh 2013* // ОАО 'VTsIOM'. M., 2013.
5. Neretina S. S. Sotsiokod filosofii (o filosofskikh rabotakh M. K. Petrova) // *Voprosy filosofii*. 2008. № 10.
6. Trunov I. L. Antikorruptsiennaya politika v Rossii // *Pravo i politika*. 2006. № 11.
7. Vedernikova O. N. Antikorruptsiennaya politika v Rossii: s chego nachat'? // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2005. № 3.
8. Gromov M. N. Vechnye tsennosti russkoi kul'tury: k interpretatsii otechestvennoi filosofii // *Voprosy filosofii*. 1994. № 1. S. 54–61.
9. Noyanzina O. E., Maksimova S. G., Avdeeva G. S., Omel'chenko D. A., Goncharova N. P. Etnicheskaya i grazhdanskaya identichnost' naseleniya sovremenno regiona Rossii // *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2015. № 6 (128).
10. I. V. Pogodina, Z. V. Mishchenko, D. Yu. Fraimovich. Mnogourovnevnyi podkhod k opredeleniyu optimal'nykh indikatorov regional'noi bezopasnosti na osnove ekonomiko-matematicheskogo modelirovaniya // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene.* — 2012. — 2. — С. 124–130.
11. I. V. Pogodina, D. Yu. Fraimovich. Ekonomicheskaya bezopasnost' regionov (dinamicheskii analiz retrospektivy pokazatelei VRP) // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene.* — 2012. — 1. — С. 60–63.
12. Kamilov M. A. Opredelenie obshchestvennoi bezopasnosti v sootvetstvii s novoi Kontseptsiei obshchestvennoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii. // *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo.* — 2014. — 8. — С. 775–778. DOI: 10.7256/1999–2807.2014.8.12403.
13. Shul'ts V. L., Kul'ba V. V., Shelkov A. B., Chernov I. V. Stsenarnyi analiz effektivnosti upravleniya regional'noi bezopasnost'yu // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene.* — 2014. — 2. — С. 188–206. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.2.11319.